

Лина Манило

БРАКОВАННЫЕ

RUGRAM
2021

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84(2Рос-Рус)
М23

Манило Л.

М23 Бракованные / Л. Манило — М. : RUGRAM_Publishing, 2021. — 288 с. — (Любовный роман).

ISBN 978-5-521-91796-9

Девушка со шрамами на лице и парень со шрамами на сердце.
Их ничего не связывает, их миры не должны соприкасаться, но
иногда у судьбы свои планы.

Чем сильнее она его отталкивает, тем больше ему хочется за-
браться под её панцирь. Оградить от опасности. Защитить от при-
зраков прошлого.

И когда вспыхнет пламя, на что они будут готовы, чтобы защи-
тить свою любовь?

BIC FR
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-521-91796-9

© Лина Манило, текст, 2021
© Оформление. LITNET CY limited, 2021

Пролог

Пять лет назад

Арина

— Ариша, ты же помнишь: синяя Лада, у дяди Валеры пышные усы, — жужжит в трубку ответственная Катя, моя старшая сестра. — У меня работы много, а он тебя заберет.

Толкаю плечом тяжелую дверь со старомодными узорами, выхожу из музыкальной школы и выпадаю в царство тихого зимнего вечера. Небо очень темное, затянутое пленкой облаков. Они такие плотные, что ни одной звездочки не видно, но я все равно смотрю в надежде увидеть хоть что-то. Только это бесполезно. Неужели уже так поздно?

— Слушай, может, я сама? Тут всего восемь остановок на автобусе. Ну, что со мной случится?

— Нет, нет и еще раз нет! — буквально вижу, каким недовольным становится лицо сестры, хоть технически это невозможно. — Не ставь меня в неловкое положение. У дяди Валеры, знаешь ли, и другие дела есть, кроме твоих демаршей независимости. Все, ничего не хочу слушать! Я его попросила тебя встретить, он приедет, а ты подожди.

Катя тарахтит, а у меня уши закладывает. Вот в этом вся моя сестра: надавить авторитетом и заболтать до смерти. И приходится согласиться с ней, иначе голова кругом пойдет.

— Ла-а-адно, — протягиваю и иду в сторону школьной парковки. — Но вообще не надо было никого просить... я бы сама замечательно добралась. На автобусе!

— Ой-ой, какие мы взрослые и самостоятельные, — хмыкает в трубку Катя, а на заднем плане мама громко объявляет, что у нас на ужин ростбиф и мой любимый торт. — Слышала? У кого-то ведь сегодня праздник. А этот кто-то спорит и нервы мне треплет!

— У меня сегодня День рождения, — улыбаюсь, и от одной мысли о торте слюна вырабатывается с удвоенной силой. — Я бегу уже, бегу!

Кладу трубку, запикиваю телефон в карман теплого пальто, удобнее подхватываю футляр с любимой скрипкой и просто жду. Зима в этом году выдалась волшебная, и я поднимаю голову, жмурюсь, абсолютно счастливая, и, высунув язык, ловлю им снежинки. Они тают, смешно щекочут язык. Весь мир сейчас кажется огромным и прекрасным: и шапки снега на ветвях деревьев, и люди, укутанные по самый нос шарфами, и спешащие мимо автомобили, вывески магазинов, и высокий шпиль делового центра впереди. Мое настроение взлетает до небес, и даже ледяная корка под ногами не снижает градуса радости в моем сердце.

До Нового года чуть больше двух недель, и вот уже месяц мое настроение прыгает от отметки «замечательно» до пометки «великолепно». А еще у меня сегодня День рождения, и в школьном рюкзаке помимо нотных тетрадей, карандашей, ручек и блокнота для записок лежит коробка конфет и открытка, подписанная всеми ребятами из моего музыкального класса. Чего мне только не пожелали! Здоровья, радости, счастья. А конфеты мои любимые — птичье молоко, и я никак не могу дождаться момента, когда гордо поставлю коробку на стол, и мы всей семьей будем пить чай и рассказывать друг другу смешные истории. Люблю ли я кого-то

сильнее своей маленькой семьи и наших домашних вечерних посиделок? Кажется, нет.

Переминаюсь с ноги на ногу, жду дядю Валеру и тоскливо смотрю на автобусную остановку, куда чуть ли не каждую минуту бодро подъезжают маршрутки, увозя людей в разные концы города. Иногда меня раздражает, что мама и сестра никак не хотят понять, что я уже выросла. Мне ведь уже пятнадцать, неужели они не понимают? Но похоже, проще смириться, чем каждый раз спорить, хотя я и пытаюсь раз за разом настоять на своей взрослости и самостоятельности.

Запыхавшийся дядя Валера — родной брат моей мамы — приезжает спустя пять минут, и выглядит таким взъерошенным, словно все это время не в машине ехал, а бежал марафон. Даже его всегда аккуратные усы слегка топорщатся.

— Не замерзла, куколка? — спрашивает, когда занимаю место рядом и осторожно укладываю драгоценную скрипку на коленях.

— Чуть-чуть, — тянусь и целую большого доброго дядьку в щеку.

— У меня печка кочегарит на всю катушку, — добродушно улыбается дядя Валера, а я чувствую, как душевное тепло проникает под плотную ткань пальто. — Расстегнись, ехать долго, еще упиришься.

— Долго?

— На Ленинском ремонт дороги, а на Кирова — авария. Дороги обледенели, так что поедем через ЦУМ и по Обьездной прямехонько домой. Чуть дольше, зато безопаснее.

Я слушаюсь, кое-как скидываю пальто, прячу смешную шапку с кошачьими ушками в рукав и откидываю одежду на заднее сиденье, на котором у дяди Валеры привычное кладбище очень нужных вещей. Сколько я себя помню, мой дядя всегда был собирателем разного хлама. Помнится, когда на уроках литературы читали Гоголя, я на месте Плюшкина ви-

дела именно дядю Валеру. Зато с ним весело, и всю дорогу он развлекает меня байками из своей жизни, травит безобидные, но очень веселые анекдоты, а я хохочу, не останавливаясь, и вытираю слезы, крепче хватаясь пальцами за футляр скрипки, чтобы она не упала на пол.

— Так, свернем здесь, — дядя Валера всматривается в дорогу, решает, каким путем доехать проще и лучше. — Ага, сюда, тут меньше машин.

— Может, лучше вот так? — указываю рукой и очерчиваю хорошо освещенный участок дороги. — Там, вроде, тоже ничего...

— Да ну! — смеется. — Я этот город как свои пять пальцев знаю, доверяй своему старому дядьке.

— Старому? Вы что!

Я еще что-то хочу сказать, ляпнуть какую-то чепуху, вот только свет чужих фар бьет прямо по глазам, и все мысли обрываются. Сначала это просто свет, но следом раздается резкий возглас дяди Валеры, звук глухого удара и скрежет металла. Единственное, что я успеваю заметить: сетка трещин на лобовом стекле. Оно идет рябью, а после что-то буквально толкает меня в сторону и выбрасывает вперед под чьи-то оглушительные крики.

Иногда мне снилось, что лечу, а после с громким стуком падаю в глубокую яму, но я никогда не думала, что летать настолько больно. В голове только одна мысль: кажется, я не успею сегодня на ужин. И так обидно становится... Сначала приходит тишина. За ней темнота, а уже после боль. Она в каждой клетке тела, в каждом нервном окончании. Снег набивается за шиворот, я открываю и закрываю рот в попытке закричать, сделать хоть что-нибудь, но боль оказывается сильнее, и я проваливаюсь в зыбкую пустоту, в тепле которой так здорово плавать. Нырять рыбкой. Подплываю к берегу, чтобы через мгновение снова пойти на дно.

Не чувствую тела, но где-то на задворках почти потухшего сознания слышится голос. Тихий, он зовет меня, манит к себе, увлекает в туманные дали. Кажется, голос мужской, но совсем мне незнакомый. Я абсолютно точно не знаю ни одного человека с таким же красивым голосом. Моргать больно, шевелиться страшно, но чем дальше, тем все больше шума врывается в мой тихий покой. Нет-нет, я не хочу просыпаться, и цепляюсь за остатки марева, пытаюсь спрятаться в его безопасности. Ведь если я проснусь, мне будет снова больно. Боль невыносима. Не хочу ее больше испытывать.

— Тут девушка, молоденькая совсем, — обрывками втекает в сознание чей-то громкий крик. И следом: — Подожди, мелкая, сейчас скорая приедет.

Во рту пустынная сушь, в горле пожарище, и я разлепляю губы, но ни звука не в силах произнести.

— Ну-ну, не дергайся. Вдруг у тебя позвоночник сломан? — все тот же прекрасный голос, и уже кому-то другому, в сторону, громче: — Да мать вашу, где эта долбаная скорая?!

Я хочу попросить у незнакомца еще немного слов — они меня обязательно успокоят, но рот мой онемел. Вместе со слухом, ко мне возвращается и боль, и это убивает. Что происходит? Кто я? Где... Где дядя Валера?! Что с ним?! У меня почти нет сил волноваться о ком-то, когда внутри полыхает личный ад, но я пытаюсь позвать дядю, только ничего не выходит. Он же жив? Жив? Скажите мне, что с ним все хорошо, пожалуйста...

— Господи, бедняжка...

— Такая молоденькая и уже наверняка инвалид.

— Кто-то знает эту девочку?! Надо родителям сообщить...

— Скрипка! Скрипка! Поднимите скрипку.

— Чтоб этому козлу пьяному пусто было! Раскурочил чужую машину и глазом не моргнул.

— Да разойдитесь же вы, а?! Что вам тут, медом намазано?! — а это уже мой незнакомец, и я пытаюсь раскрыть глаза.

Мне нужно его видеть. Я должна понять, кому принадлежит такой голос — он словно музыка ласкает, успокаивает. Сама не понимаю, зачем, но я раскрываю глаза — кое-как, с трудом, но у меня получается — и таращусь сначала в пустое небо, и его чернильная темнота наваливается толстым одеялом. Неужели мне пригрезилось? Неужели нет никакого незнакомца? А потом я вижу глаза. Огромные и добрые, они мне улыбаются, и так тепло становится. Будто бы рядом кто-то, кому не все равно.

— Тихо-тихо, врачи приехали, все будет хорошо.

Это последнее, что я слышу перед тем, как снова провалиться в небытие.